

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СТРУКТУРА XX в.: «БЕГСТВО ОТ СВОБОДЫ» И ОБРАТНО

В статье рассматривается проблематика свободы в связи с циклическим характером культурно-исторического времени XX века, которое включает в себя три основных периода (модернизм, реализм, постмодернизм) которые выделяются на основе актуализации и деактуализации свободы и различных темпоральных ориентаций: ретроспективной и перспективной, модернистской и реалистической.

Ключевые слова: цикличность, темпоральность, ориентации (установки) сознания, архаизм, футуризм, модернизм.

Роговський О.М. Темпоральна структура XX в.: «втеча від свободи» і назад. У статті розглядається проблематика свободи у зв'язку з циклічним характером культурно-історичного часу XX ст., яка включає три основні періоди (модернізм, реалізм, постмодернізм) на основі актуалізації і деактуалізації свободи і різних темпоральних орієнтацій: ретроспективною і перспективною, модерні-стською і реалістичною.

Ключові слова: циклічність, темпоральність, орієнтації (настанови) свідомості, архаїзм, футуризм, модернізм.

Rogovsky A.M. Temporal structure XX c.: «escape from freedom» and back again. In the article the problem of freedom is examined in connection with the cyclic character of cultural and historical time of XX century, which includes three basic periods (modernism, realism, postmodernism) on the basis of actualization and deactualization of freedom and different temporal orientations: retrospective and perspective, modernistic and realistic.

Keywords: cyclic, temporality, orientations of consciousness, archaism, futurism, modernism.

Как важнейший атрибут исторического развития, свобода постоянно привлекает внимание исследователей. Однако, в наиболее значимых работах таких авторов, как Фукуяма Ф., Хантингтон С. [1; 2] и других эта проблема рассматривается преимущественно в социально-экономическом аспекте, что обуславливает **актуальность** деполитизации свободы и исследования её в культурологическом плане. **Постановка проблемы.** Объективно, человек свободен настолько, насколько может воспользоваться этой свободой, и это объясняет, в значительной мере, феномен «бегства от свободы», её обесценивание в недавнем прошлом. Однако этот же исторический опыт свидетельствует о том, что именно степень внутренней свободы и культуры является тем определяющим и часто лимитирующим фактором для осуществления внешней свободы в социуме. По сути, свобода в культуре является тем общим контекстом, в котором разворачивается драма политической свободы. **Целью** данной работы является выявление циклической темпоральной структуры XX века на основе исследования изменения содержания и направленности свободы в сфере культуры. Если в духовно-религиозной сфере свобода традиционно имеет негативные коннотации, как источник искушений, соблазнов (мифологема «первородного греха»), то в художественной и материальной сферах она является необходимым источником творчества и развития. В проблеме свободы, по сути, проявляется раздвоенность культуры и бытия человека в целом, их многозначность и многовекторность, которые выводят её далеко за рамки идеологии и практики либерализма. Таким образом, свобода в культуре не имеет однозначного устойчивого содержания и направления и может иметь противоположные направления развития, включая и собственное отрицание («бегство от свободы»). В силу своего особого положения и парадоксальной природы, время оказывается естественной формой разрешения противоречий, в частности, между свободой и необходимостью, а его отсутствие, как давно замечено, ведет к конфликтам и трагедиям.

В истории периоды актуализации свободы связаны с состоянием перехода, выбора путей, обновлением форм развития, а периоды деактуализации – с общим движением к определенной цели. Обе эти формы можно наблюдать в истории прошлого века и его культуре. Действительно,

преобладающее движение к свободе, в первой трети века связанное с революционным, национально-освободительным движением, в культуре выражено в росте радикализма, нигилизма, модернистского новаторства. Преобладающая ориентация во времени – перспективная, от будущего к настоящему, как средству реализации. Далее преобладает известный феномен «бегства от свободы» и её деактуализация в тоталитарных системах, преобладание целостного, пространственно-количественного над частным, временно-качественным в социуме и культуре. Ориентация во времени – ретроспективная, с позиций идеологических абсолютов. Во второй половине века наблюдается обратное «бегство от несвободы», выраженное в распаде колониальной системы, а затем и «соцлагеря», в дифференциации культуры на массовую, популярную, контркультуру и множество субкультур. Здесь преобладает модернистская ориентация на современность с постепенной, частичной реабилитацией прошлого, усилением ретроспективности к концу века.

Несмотря на внутреннюю противоположность, эти периоды образуют целостный, линейный процесс движения исторического времени. Длительность каждого периода составляет приблизительно 25-30 лет, что соответствует периоду активности одного поколения. Различия между ними закономерны, поскольку каждое поколение ставит и решает собственные задачи, либо предлагает свой способ их решения, к этому необходимо добавить постоянные сдвиги в предмете и сфере реализации целей. Нетрудно заметить, что при внешней близости задач и направленности I-го и 3-го периодов, последний отличается сдвигом в культурно-эстетическую, духовно-психологическую сферы. Это обусловлено поиском альтернативных, ненасильственных путей развития и задачей внутреннего освобождения от политико-идеологических стереотипов. Различие между этими периодами особенно заметно в феноменах модернизма и постмодернизма, которые иногда отождествляются в понятии «эпоха модерна». Общая тенденция «бегства к свободе», которую можно определить как центробежную, проявляется в них по-разному, поскольку освобождение происходит от разных явлений истории: в I-м периоде – от монархий, империй, в 3-м – от тоталитарных систем. Открытость и перспективная ориентация, характерные для этих периодов, связаны с широким диапазоном проявлений свободы. Во 2-м периоде, который противоположен им обоим, складывается центростремительная направленность и прагматическое («свобода для») и, вместе с тем, абстрактное понимание свободы, что ведет к замкнутости, ретроспективной ориентации вплоть до выявления архаичности сознания и системы в целом. Здесь течение времени формализуется, обесценивается и коллапсирует в псевдовечность пространственно-количественной повторяемости. Как видно, время является необходимым атрибутом свободы и придает ей различные смысл и направленность.

Для начала цивилизационных циклов, а также общественных, религиозных движений, художественных направлений характерна перспективная ориентация, когда осуществление идеалов, целей кажется реальным, возникают фигуры, служащие образцом для последующих поколений. В эти начальные периоды человек относится к миру с максимальным доверием, открытостью, восприимчивостью ко всему новому. Напротив, недостаток исторического времени на «закате» не только цивилизации, но и отдельных направлений, периодов проявляется в ретроспективности, а также индивидуализме, эгоцентризме, пессимизме вплоть до апокалиптических настроений. На протяжении века эти колебания происходят дважды. Действительно, с начала века происходит постепенное смещение от ретроспективной к перспективной установке или от мифо-архаического (символизм) к футуристическому модернизму (аван-гард) как актуализации современности. В следующую треть происходит обратное движение к ретроспективности, историзму, а в сознании – к архетипическому, в результате чего тоталитарные системы обнаруживают свою архаическую природу. Далее устанавливается модернистская парадигма с постепенным движением от радикального отрицания к реабилитации сначала отдаленного, затем и ближайшего прошлого, пока модернизм не обнаруживает собственную ретроспективность и не открывает свою мифологизированную историю в постмодернизме.

Исходя из того, что ретроспективность означает завершение некоторых циклов, периодов можно предположить, что разрешение основного темпорального противоречия между прошлым и будущим происходит сначала в перспективной, а затем, по мере его деактуализации, в ретроспективной ориентации. Действительно, на протяжении XX века эту картину мы наблюдали дважды: в первой и второй половинах. Необходимо учитывать также вертикальное измерение времени: здесь основным является противоречие между абсолютно-вечным и временным, а в

культуре, между классицизмом и модернизмом – проблема, которая была актуализирована и решалась во 2-м периоде века.

На протяжении XX века наблюдается развитие и распространение всех форм свободы. Проблема заключается в том, является ли это результатом борьбы и победы определенных политических сил и идеологии, что соответствует политическому аспекту проблемы, либо это закономерный эволюционный процесс, включающий различные периоды и формы её существования, что соответствует философскому аспекту? Рассмотрим подробнее темпоральную структуру XX века, включающую три основных периода.

I. В первую треть века свобода реализуется в поиске и выборе путей развития, цели деятельности, то есть, преимущественно, в ментально-идеальной сфере, преобладание которой есть выражение негативного отношения к действительности. Преобладающая центробежная тенденция связана с процес-сами дифференциации, индивидуализации, освобождения от социальных связей и структур. Эта направленность может проявляться как в ретроспективно-исторической, так и в перспективно-футуристической ориентациях, так и в их сочетании. В творчестве и культуре они часто компенсируют односторонность друг друга, поэтому «чистый» архаизм стремится обрести перспективу для актуализации в современности, а футуризм часто обнаруживает тяготение в прошлое для полноты, глубины и реальности. Это подтверждается идеями «богоискательства», «богостроительства», массой консервативного, архаического в сознании, которое со временем узаконивается в тоталитарной системе, в которой сакрализация власти неизбежно следует из атеизма.

Возрастание степени свободы связано с преодолением замкнутости, традиционализма и, вместе с тем, духовной глубины ретроспективной ориентации. Будущее является важным фактором интенсификации, динамизации жизни настолько, насколько оно реально. Это относится также к революциям, войнам, которые, как ускорители (или «локомотивы истории» по Марксу), неизбежно приводят к изменению действительности и ориентации во времени. Это связано с радикальной актуализацией настоящего, которое становится ареной борьбы сил и установок прошлого и будущего, что ведет к разрыву «связи времен», фрагментации времени. Во время революций чрезмерное отрицание прошлого отвращает наступление перспективного будущего, которое часто приносится в жертву целесообразности момента. Сверхинтенсивное время конфликтов, войн – это всегда абсолютизация момента, радикальная редукция сознания в чрезвычайных и изменчивых обстоятельствах. Здесь гибкость, открытость, изменчивость («революционная диалектика») не просто вынужденные качества, а достигаются за счет освобождения от груза прошлого и ответственности за будущее. В модернистской установке свобода поверхностно-проходящая, так как достигается за счет ослабления роли памяти и воображения. В мирное время (20–30-е гг.) она проявляется в реализации новых идей, способствует сближению сознания и действительности, вплоть до материализации времени и отождествлению темпоральных представлений с реальным ходом событий. Смысловая перегруженность футуристических представлений ослабевала по мере деактуализации прежнего нигилизма, которым она во многом подпитывалась, а также частичного символического воплощения этих представлений, что обусловило условный характер новой реалистической ориентации.

II. В следующий период проявляются элементы самоотрицания, присущие модернистской форме свободы: усугубление темпоральной редукции сознания в условиях вовлеченности в интенсивную событийность эпохи приводит к тому, что оно ещё более сужается и становится жертвой исторического хода событий. Направленность процессов, происходящих в середине XX века, можно обобщенно определить как центростремительную и интегративную на фоне деактуализации настоящего, что ведет к новому традиционализму, возвращению к вечным ценностям в идеологической форме. В темпоральном аспекте происходит монументализация современности, расширение масштабов времени до исторического, а в сознании – архетипического. На самом деле, эта псевдоисторическая ретроспективность была вторичной и выражала востребованность в вечно-абсолютном. Точнее, противоречие между временным и вечным разрешалось в абсолютном, как это прежде происходило в сакральном религии. Свобода в этот период нагружается дополнительными смыслами, содержаниями и реализуется по мере движения вверх по иерархической системе до полного трансцендирования и исчезновения в абсолютном, превращаясь в абстракцию «царства свободы».

Феномен «бегства от свободы» впервые был замечен В.Розановым, хотя и в несколько ином смысле: «От свободы все бегут... хуже «свободы» вообще ничего нет и она нужна хулигану, лоботрясу и сутенеру» [3, с. 339]. Здесь обесценивание свободы происходит вследствие очищения

её от политических, социальных и прочих коннотаций, и направлено на сохранение традиционных ценностей и всей органики жизнедеятельности от модернизма и нигилизма I-го периода. Однако опасность для этих ценностей – семья, родина, нация, Бог (партия) – исходила от их новых защитников, то есть, от тоталитарных систем, которые, превратив их в идеологемы, выхолостили их естественное содержание. Редукция свободы принимала разные формы: в I-м периоде наблюдалась маргинализация свободы, а во 2-м – её иерархизация.

Время в этот период, выполняя социальные функции, также приобретало черты иерархичности, интегративности, выступало в роли координирующего и организующего центра. Оно, по сути, создавало и поддерживало функционирование единого, однородного и одномерного пространства, в котором течение всех разнообразных процессов должно быть синхронизировано. Преобладание поперечно-вертикального измерения времени способствовало вовлеченности всех в общий ход событий, особенно, в сверхинтенсивное время войн, борьбы и других чрезвычайных обстоятельств, что также являлось фактором синхронизации. Понятно, что общность, которая здесь возникает, основана на преодолении последствий войн, конфликтов. К этому следует добавить другие факторы синхронизации: общие черты в культуре, идеологии, политике, а также духовно-моральные ценности. Основой синхронизации, по мнению немецкого исследователя Козеллека Р., является единство истории и современности [4, с.289], которое связано с преимуществом в истории, верностью традициям прошлого, то есть, с линейным однонаправленным развитием.

В этом плане, формирование единой Европы является прямым следствием той степени интеграции в пространстве и синхронизации исторического времени, которая была достигнута во время 2-х мировых войн как самых интенсивных событий, как это ни парадоксально звучит. Синхронизированное время во многом предшествовало и проявляется в современном процессе глобализации, то есть, продолжено в последующих поколениях. Не случайно, что процесс глобализации встречает сопротивление в странах, слабо вовлеченных в основные события современной истории, и мало распространен на пространствах, сохранивших прежнее диахронное (гетерогенное) время в форме национально-культурных идентичностей, традиционализма.

III. В этот период, начиная с середины 50-х гг., усиление борьбы и представлений прошлого и будущего, связанное с разрывом между поколениями, выражало сложный переход к продольно-последовательному времени, которое несет с собой актуализацию современности и очищение её от остатков абсолютно-вечного. Новая модернистская установка выглядит более сознательной, универсальной, с углубленной позитивной и негативной сторонами. Действительно, для неё дискредитированными оказываются не только основные идеологемы, традиционные ценности предшествующего периода, но и сам феномен «бегства» от действительности. Прежние архаическая и футуристическая установки модернизируются, полнее включаются в контекст современности и, особенно, массовой культуры. Наполняя модернизм разнообразными содержаниями, эта установка эволюционирует с изменением вектора от будущего к прошлому.

Модернистская установка приводит к возникновению множественности и различиям, прежде всего, между современностью и историей, которая приобретает многообразие вследствие различных интерпретаций. Другим фактором диахронизации (по Козеллеку) [4] является различие событий и их последствий, в частности, изменение восприятия, смысла войн, революций, других трагических событий. В силу изменения характера самой действительности, а также распространения массовой культуры в этот период, модернистская ориентация, прежде всего, в её перспективной форме, постепенно теряет свою актуальность. Новая ретроспективность идет от жизненных реалий усложнения социально-экономической ситуации в мире. Возникая в материальной сфере, она распространяется на политику (неоконсерватизм) и на духовную сферу (исламский фундаментализм). Также и распад «соцлагеря» и СССР, будучи, по сути, продолжением центробежной дифференциации 3-го периода, приобретает значение возвращения к традиционным ценностям, а не прорыва вперед. Напрашивается вывод, что перестройка и курс реформ могли быть успешными, если бы они проводились на 20 лет раньше, когда преобладала перспективная ориентация.

В итоге, темпорально-культурная картина прошлого века приобретает довольно симметричный вид. В центре её находится период преобладания абсолютно-вечного во времени, а окружают его периоды модернизма – футуризма – архаизма, причем первый выполняет роль опосредующего звена между основными модусами времени. Значимость этих периодов неравноценна, поскольку центробежная направленность включает в себя ориентацию на все три модуса времени, а центростремительная поддерживает, преимущественно, ориентацию на

абсолютное и традиционное. Также и относительно свободы: если первая направленность придает ей многообразие форм, вплоть до радикализма и стихийности, то вторая – однозначную иерархичность и сознательное превращение её в средство. Периодам многообразия соответствует полихронное время актуализации локального, специфического, индивидуального в культуре и преобладанием факторов диахронизации, напротив, во второй период факторы синхронизации формируют единое монокронное время. Сравнивая данную картину с демократическими волнами Хантингтона, нельзя не отметить, что культурные периоды сдвинуты по отношению к ним приблизительно на 6-10 лет и отчасти совпадают с периодами демократизации и отката от демократии [2, с. 309]. Учитывая это, определим для волн демократизации в культуре такую хронологию: 1905-1933; 1953-1970; 1985-2001.

Таким образом, культурно-исторический процесс носит циклический характер и осуществляется путем постоянной смены темпоральных ориентаций и трансгрессии по различным сферам культуры: от социально-экономической до духовной, что позволяет установить трехчастную темпоральную структуру XX века. Проблема свободы приобретает вид непрерывного освобождения от внешних и внутренних зависимостей, в которые со временем превращаются представления, часто отслужившие роль средства освобождения.

Литература:

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек./ Фукуяма Ф. – М.: АСТ, Ермак, 2004. – 588 с.
2. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века./ Хантингтон С. – М.: Роспэн, 2003. – 367 с.
3. Розанов В.В. Уединенное./ Розанов В.В. – М.: Политиздат, 1990. – 543 с.
4. Козеллек Р. Часові пласти. Дослідження з теорії./ Козеллек Р. – К.: Дух і літера, 2000. – 436 с.

© **Роговский А. М., 2012.**